

A watercolor illustration featuring a vibrant red braided scarf draped over a grey jacket. The jacket has several silver-colored buckles and straps. The title is written in red cursive script over the scarf and jacket.

Девочка с красным Шарфом

АНАИДА АДИ

Анаида Ади
Девочка с красным шарфом
Серия «RED. Young Adult»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67809470
ISBN 978-5-04-170960-0

Аннотация

Если ты инвалид, то каждый твой день – это маленький бой. Встать с кровати, одеться, добраться из точки А в точку Б – всё это сражения, в которых никогда не знаешь, останешься ли ты победителем или побежденным. Жизнь довольно быстро теряет смысл, и можно с лёгкостью забыть, за что ты воюешь. Филипп, как и многие дети с ограниченными возможностями, тоже забыл. Инвалидная коляска, ставшая его верной спутницей жизни, вызывала отвращение к самому себе, а смерть стала той самой единственной и заветной мечтой.

В одну из тех ночей, когда кажется, что ничего уже нельзя изменить, он услышал чей-то загадочных смех. Кто потревожил его сон? И что понесёт за собой эта встреча?

Комментарий Редакции: Сильная книга о сильной личности, которая наглядно иллюстрирует – каждый ведет свой бой, но каждый обязательно – победитель.

Содержание

Глава 1 «Один мальчик»	4
Глава 2 «Одна девочка»	8
Глава 3 «Прогулка»	17
Глава 4 «Кто такая Совесть?»	24
Глава 5 «Урок»	30
Глава 6 «Врунишка»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анаида Ади Девочка с красным шарфом

Глава 1 «Один мальчик»

Привет всем, кто открыл эту безумную историю. Если честно, я сам не знаю, зачем пишу всё это. Просто так. У меня нет целей, нет задач. Скорей всего, я вообще заброшу это дело на главе четвёртой. Но сейчас мне надо выговориться, надо выплеснуть всё, что накопилось за столь долгое время. Пусть бумага, извините, просто хотел попытаться выразиться красиво. И пусть «Заметки» в моём телефоне узнают всё то, что я не могу доверить даже самым близким.

Меня зовут Филипп, если вдруг кому-то это интересно. И да, я пишу сам о себе, как последний эгоист, за что мне очень стыдно. И я в каком-то роде необычный мальчик, хотя так хотел бы им не быть. Я инвалид-колясочник. И нет, я совсем не жду от вас эмоциональных всплесков руками или же грустных вздохов, они не нужны мне, как и ваши фальшивые, наигранные, утешительные речи. Я же знаю, что вам плевать, я знаю... Я не хочу, чтобы меня жалели, а тем более не хочу, чтобы изображали жалость. Мы не на съёмочной

площадке, а вы не актёры кино, поэтому не надо, прошу, от этого становится только хуже.

Я не стану придумывать какую-то фантастическую историю о том, как я стал таким, хотя любой другой бы, наверное, воспользовался этой возможностью. Нет, я не попал в аварию, нет, я не залез в горящий дом, чтобы вытащить оттуда маленькую девочку, нет, я просто родился таким. Я просто такой с самого начала. Я никогда не знал, что такое ходить, никогда не знал, что такое бегать босиком по траве, покрытой росой. Я не знаю и никогда не знал, что такое по-настоящему жить. Наверное, тот день, когда я появился на свет, был худшим в жизни моих родителей. Я даже не могу представить, какие муки они испытывали, узнав о том, что их ребёнок урод. Братьев или сестёр у меня нет, несмотря на то, что наша семья довольно состоятельна. Думаю, это потому, что мои мать и отец боятся, что второй ребёнок тоже окажется ущербным.

Порой я задумываюсь о том, почему они не сдали меня в детдом. Я ведь ни в чём не хорош. Я просто ужасен как внешне, так и изнутри. Если бы меня не было, то всем было бы только лучше.

Я глупый. Пусть даже в школе есть люди, которые учатся хуже меня из-за своей безалаберности. Но я ничего не могу схватить налету, поэтому мне приходится заниматься до поздней ночи. Ни один урок я не знаю на отлично, я ни в чём не профи. Все смеются надо мной. Конечно, чего ещё

я мог ожидать? Как колясочнику, не обладающему особыми умственными способностями, избежать положения изгоя в насквозь прогнившем школьном обществе?

Я глупый. Так все говорят.

Я некрасивый. Даже если забыть о парализованных ногах, то лицом я тоже не вышел. Несуразная маленькая морда, усеянные веснушками щеки, растрёпанные тёмные волосы, которые невозможно уложить в какую-нибудь модную причёску, и самые обыкновенные карие глаза. Я никогда не нравился девочкам. Да и кому может понравиться беспомощный инвалид? Я некрасивый. Так все говорят.

Мой характер ужасен. Я слабый, склонный к суициду сопляк. У меня нет стержня, я не настойчив и не уверен в себе. Я мечтатель, рассуждающий о высоком, хотя ещё не видел жизни за пределами школы. Я тону, буквально утопаю в своих безумных мыслях, которые пожирают меня и заставляют мучиться ещё сильнее. Я всегда мечтал умереть. Просто закрыть глаза и осознать, что тебя больше не существует. Но опять же, я слишком слаб, чтобы протащить по собственному запястью остро заточенный нож. Я всегда думал, что идеальное место, чтобы покончить с собой – это крыша, с которой видно весь город. Я всегда хотел летать, летать как птица, а для этого нужно сделать лишь шаг. Смерть – это столь маленькая плата за крылья. Но я никогда не был на крыше и вряд ли туда попаду со своей-то коляской. И да, я всё ещё на что-то надеюсь, наверное, поэтому я до сих пор жив, хотя,

скорее всего, это просто блеф, просто мои глупые фантазии о светлом будущем.

Мой характер ужасен. Так все говорят. Я отвратителен. Так все говорят.

Это было небольшое описание меня, чтобы ввести вас в курс дела. Точно, я забыл сказать о том, что мне всего лишь шестнадцать. Ладно, не буду врать, шестнадцать мне исполнится только через неделю. Вы посчитаете, что желание казаться и быть взрослее глупо, и я соглашусь с этим. Это бессмысленно, ведь чем старше становишься, тем больше проблем, обязанностей и переживаний. Если я хочу покончить с собой в свои пятнадцать, то, что будет дальше? Когда я задумываюсь об этом, мне становится страшно. Разве может быть хуже, разве может быть сложнее? А оно может и будет.

Существо без ног, априори, не является человеком. Оно не достойно счастья, любви, заботы. Я не достоин всего этого. Моей привилегией остаётся только безрадостная жизнь или же такая желанная смерть. Иное для меня не уготовано. Нужно выбирать быстрее... Быстрее... Но я не могу. Мне страшно. Я слишком труслив, чтобы пойти правильной дорогой. И теперь я должен, даже обязан спросить: осталось ли у вас желание продолжать читать бредни малолетки? Если да, то я буду ждать вас на следующей странице своего поистине странного рассказа.

Глава 2 «Одна девочка»

Сегодня был обычный день. Один из тех, когда хочется спрятаться, скрыться от этого несправедливого, ужасающего мира, когда ты чувствуешь никчемность своей жизни и вообще всего на земле. Когда осознаёшь, что твоё тело – это лишь беспомощная и слабая оболочка, а душа, если так можно сказать, ещё более прогнившее и жалкое понятие. Проще говоря, я просто вернулся из школы в четвёртом часу с новым фингалом под глазом. Мальчик, разукрасивший мне лицо, очень постарался. Как вы помните, я являюсь «крутым» борцом. Никогда не понимал, по каким признакам в школах происходит классификация на элиту и изгоев, но вернёмся к причине моего ранения. Я просто попытался отказать в написании вместо него сочинения по литературе. После чего он заехал мне в глаз. Конечно, крутые парни обычно не избивают меня на глазах у публики. Это было бы уж слишком глупо с их стороны, потому что школа, по идее, должна заботиться и пресекать любые нападки в мою сторону. Я часто замечаю, как у многих чешутся кулаки в желании ударить меня, но не всем это удаётся по понятным причинам. Но этому задире, похоже, всё сходило с рук. Или просто мне так казалось? И он не получал выговор только потому, что делал это, оставшись наедине со мной.

Вы скажете, что это возмутительно, неправильно, силы

были неравны и так далее, и так далее... А я отвечаю, что это совершенно адекватно для нашей реальности. Почему я только до сих пор не научился держать рот на замке? Это была моя вина, и я давно понял это. Проблема только одна: мне опять придётся придумывать какое-нибудь изощрённое падение с коляски или удар о ручку двери, чтобы это описание удовлетворило моих родителей. Я ненавижу ложь, я ненавижу лгунов, я ненавижу врать, но без этого не выжить. Мне приходится говорить неправду, и это ещё одна из множества причин ненавидеть себя.

Но почему? Почему я отказываюсь довериться им? Почему не желаю говорить о том, что на самом деле происходит в этом «прекрасном» учебном заведении? Просто догадываюсь, что за рассказом последует мой перевод на домашнее обучение, которого я боюсь как огня. Я знаю, многие на моём месте отдали бы всё, только чтобы учиться на дому, но я не хочу потерять свой единственный шанс стать нормальным. Ходить в обычную школу – целиком и полностью моё решение, которое, как я считал, не позволит мне превратиться в вареный овощ.

Как сказать, безусловно, не в самую обычную. В здании есть лифт, пандусы для колясок, разумеется, оно находится недалеко от места моего обитания, так что я могу доезжать туда сам. Думаю, стоит отметить, что я не являюсь единственным человеком с ограниченными возможностями в этой школе. Кроме меня, там учится человек пять-шесть,

подобных мне. Почему я не общаюсь с ними? Всё довольно просто. Я сам не хочу, хотя с их стороны было много попыток завязать разговор. По какой-то неясной причине я ощущаю себя выше них, мне душно и противно в их окружении. Мне чудится, что я умнее, лучше, чудится, что я достоин альтернативной компании. Я тянусь к другим, к обычным здоровым людям. Я хочу разговаривать с ними, хотя бы видеть их, как бы плохо они ко мне ни относились. Вам, наверное, интересно, какие взаимоотношения складываются между инвалидами и остальным населением. Бьют ли их, как меня? Я не могу достоверно знать об этом, но мне почему-то кажется, что нет. К ним неплохо относятся, во всяком случае, не презируют. У нас такие люди обычно держатся вместе, помогая друг другу. Они вроде даже встречаются после занятий, ходят в кафе или кино. Но есть одна девочка-колясочница, которая очень хорошо дружит с совершенно обычной ученицей. Они даже, как я слышал, лучшие подруги. Так может, дело не в обществе, а во мне?

Скоро у меня день рождения. А точнее, просто очередные двадцать четыре часа. Для меня эти сутки никогда не были праздником, потому что именно с этого момента начались все проблемы. Мои проблемы, проблемы моих родителей, которые по какой-то неизвестной причине до сих пор любят меня. Всю последнюю неделю они только и делали, что спрашивали, какой подарок я хочу получить. Всё это время я упорно говорил о том, что мне ничего не нужно, что я ни-

чего не хочу. Но я врал, опять врал. Ведь на самом деле всё, что я когда-либо хотел получить на день рождения – это умереть. Жаль, что вот уже шестнадцать лет моё желание остаётся лишь несбыточной мечтой. Что просят мои ровесники? Телефоны, компьютеры, велосипеды, в то время как для меня, смерть – это всё, в чём я действительно нуждаюсь.

Сидя за уроками, я не замечаю, как подкрадывается поздний вечер. Скоро в комнате стало совсем темно, и мне пришлось включить настольную лампу. Я решал примеры в тетради, выводя синими чернилами корявые цифры. Голова трещала по швам и неумолимо клонилась набок, веки закрывались сами собой. Сегодня я почти не спал, как и вчера, позавчера и все предыдущие дни. В общем, это уже давно стало привычкой. Я просто лежу с открытыми глазами, уставившись в потолок мёртвым, недвижимым взглядом. Так может пройти час, два или же вообще вся ночь. Но сегодня я действительно очень хотел спать, какая-то невидимая сила утягивала меня за собой. Я захлопнул учебник и тетрадь, махнув на всё рукой. Умение иногда посылать всё к чертям действительно выручало меня.

Я подошёл к кровати, лёг и укрылся одеялом, даже не раздеваясь. На остальное у меня не было сил. Я просто слишком устал. Устал жить, устал дышать. Как только моя голова коснулась подушки, я буквально сразу же заснул, что было довольно странно. Я окунулся в темноту, которая всё сильнее обволакивала меня с каждой секундой.

Когда мне всё-таки удаётся заснуть, я не отправляюсь в царство сновидений. Мне ничего и никогда не снится. У меня нет даже кошмаров. Но я совершенно не опечален этим, меня всё устраивает. Особенно, если учитывать то, что моя жизнь — это один сплошной плохой сон. Так что же я вижу, закрывая глаза? Лишь приятную пустоту. Просто чёрный, однотонный фон, без каких-либо вкраплений. Я оказываюсь в королевстве выключенного экрана, если можно так сказать.

За окном редко проносились машины, осенние листья на деревьях слабо шелестели и изящно падали на мокрый асфальт. Весь дом спал, тишину не нарушал ни единый шорох. Я люблю ночь. И неважно, сплю я или нет. Главное, что в это время со мной никто не разговаривает, меня никто видит, никто не трогает. Я остаюсь наедине с самим собой и такой родной темнотой. Что может быть лучше? Я бы хотел вечную ночь, чтобы никто не наблюдал за мной, чтобы никто не осуждал.

Но вдруг эту идиллию нарушил чей-то негромкий смех, прорывавшийся сквозь мрак и тишину комнаты. Я в недоумении приоткрыл один глаз, после чего вокруг вновь воцарилось молчание. Я огляделся по сторонам, но, не увидев ничего живого, от кого могли бы исходить эти звуки, опустилсся на подушку, решив, что всё это мне лишь показалось.

Не прошло и минуты, как до меня донёсся смешок. Я открыл глаза и уже более настойчиво всмотрелся в пустоту. На-

верное, с моей нервной системой действительно не всё в порядке, потому что происходящее ничуть не напугало меня, а только разозлило. Да и зачем мне бояться, если я всё равно не смогу ничего сделать, не смогу дать отпор? Кто это? Убийца? Отлично, может хоть кто-то, наконец, осуществит мою мечту. Вор? Пусть берёт, что хочет. Мне абсолютно не жалко. Маньяк-насильник? Да, признаюсь, это уже немного пугает, но тогда эта мысль не пришла мне в голову. Я решил подыграть неизвестному и вновь зажмурился. Кто-то в комнате опять залился звонким хохотом. Моё терпение лопнуло, и я вскочил со своего места. Ну как вскочил, в смысле кое-как сел на кровать, опираясь на локти.

– Кто там?! – в бешенстве воскликнул я. Неужели кто-то вздумал издеваться надо мной даже ночью?!

– Тише, тише... Он может тебя увидеть... – слышался чей-то еле слышный шёпот.

Вдруг из-за открытой двери показался лоскут красной развевающейся, словно на ветру, ткани. Только откуда взяться ветру в доме?

– Я вижу тебя! Хватит прятаться за дверью! – крикнул я.

Наконец, незнакомец, по-видимому, решил послушаться меня. Вначале высунулась чья-то макушка – неизвестный оценивал обстановку. Затем я увидел маленькую ножку и красную ткань, которой становилось всё больше. Из своего укрытия вышла хрупкая девочка в белоснежном кружевном платье, доходившем ей до колен. Её шею обвивал шарф ало-

го цвета, который был настолько длинный, что им можно было бы обвернуть эту комнату несколько раз. Её светлые локоны небрежно лежали на худых плечах. Она была явно чем-то смущена, поэтому держала руки за спиной, а её взор был устремлён в пол. Странно, что при кромешной темноте я смог рассмотреть её так подробно, будто это происходило при свете дня.

– Вас было двое! Я слышал, как вы шептались, – я старался говорить как можно строже.

– Нас уже двое, – ответила девочка, подняв свои кристально-голубые глаза и посмотрев на меня невинным, недоумевающим взглядом.

– Ты думаешь, что сможешь запудрить мне мозги? Ты только одна, – сказал я, презрительно оглядев её с ног до головы.

– А как же мой шарф? – спросила она с искренним непониманием в голосе.

– Шарф? Ты хочешь сказать, что разговаривала с ним? – усмехнулся я.

– Да... – прошептала она.

Я рассмеялся, схватившись рукою за живот. Что несёт эта сумасшедшая?!

– Может у него и имя есть? – с ехидством спросил я.

– Есть... Его зовут *Эдвард*... – неуверенно отвечала она, продолжая держать пальцы в замке.

– Что ж, ладно. Приятно познакомиться, *Эдвард*, – наиг-

ранно сказал я, посмотрев на шарф, который резко колыхнулся, будто подмигивая мне.

Господи, что за бред я несу? Подмигивающий кусок ткани? Серьёзно? Похоже, я окончательно свихнулся.

– Эй, что это сейчас было? Почему с ним происходит такое, если здесь нет порывов воздуха?

– Он просто рад знакомству, – ответила она, мило улыбнувшись.

– Ладно, у меня другой вопрос. Как ты попала сюда?

– Я не знаю... Просто как-то оказалась здесь...

– Ты хоть как тебя зовут, знаешь?! – в бешенстве воскликнул я.

– Ника, – уверенней ответила она.

– Ника? Это твоё имя? Почему тебя не могли назвать Настей или Катей?

– Ника – значит победа, – гордо заявила она, задрав нос кверху.

– Победа над чем? – рассмеялся я.

– Над чем ты смеёшься?

– Меня больше интересует, над чем смеялась ты, когда я спал?!

Именно в этот момент я неожиданно открыл глаза, оказавшись в собственной постели. Вокруг уже было светло, и ещё слабые лучи солнца пробивались в моё зашторенное окно. Будильник в бешенстве орал на всю комнату так, что мне казалось, будто моя черепная коробка сейчас лопнет. Сде-

лав несколько рывков, мне удалость сесть. Я зевнул, пытаюсь восстановить в памяти свой сон, который был для меня необычным явлением.

Этот день прошёл быстро, не неся за собой каких-либо запоминающихся моментов. Сегодня я был полностью сосредоточен на учёбе, так что моё видение было забыто уже через несколько минут, и я к нему больше не возвращался. Придя домой, я переоделся, поел и вновь сел за домашнее задание. Других дел у меня не было. Этот вечер прошёл так же незаметно, как и утро. Прделав все ночные процедуры, я натянул пижаму и улёгся спать.

Глава 3 «Прогулка»

– Ты сопел во сне. Было смешно.

Эти слова стали пощёчиной, которая буквально мгновенно вывела меня из состояния сна. От неожиданности я вздрогнул и уставился на девочку, которая вновь стояла над моей кроватью. Находясь в состоянии лёгкого шока, я ещё несколько секунд молчал, приходя в себя.

Ника была на своём прежнем месте, невинно улыбаясь и смотря на меня щенячьим взглядом, от которого меня начинало тошнить.

– Слушай, ты не в себе. Проваливай уже вместе со своим шарфом. Дай мне поспать, – наконец произнёс я после продолжительной паузы. В этот момент я был почему-то даже слишком спокоен, несмотря на то, что сон, который достаётся мне с таким невероятным трудом раз в несколько дней, вновь прервали.

– Хорошо... – огорчённо протянула она. – Ты пойдёшь со мной? – вдруг спросила Ника, косясь на меня.

– Что? Зачем? Зачем я тебе? – в недоумении спросил я, протирая заспанные глаза ладонью.

– Пошли, будет весело, – вновь улыбнулась она.

В этот момент я хотел, я собирался крикнуть на неё. Я хотел вызволить наружу весь гнев, который только был во мне, и прогнать самозванку из своего дома, но что-то оста-

новило меня. Сомнение, непонятно откуда взявшееся, вновь охватило меня. Казалось бы, над чем здесь можно думать?! Меня приглашает прогуляться чокнутая девчонка. Но всё же я оставил право выбора за собой.

– Весело, говоришь? – ухмыльнулся я, прищурившись.

Ника кивнула в ответ.

– Ну, пошли, – ответил я.

Да, за пару дней до своего дня рождения я пойду бродить по ночному городу с психически нездоровой незнакомкой. После таких заявлений у вас, наверное, возникли сомнения и насчёт моей адекватности. Но что мне терять? Я инвалид, у которого нет шансов на нормальную жизнь. Я обречён на вечные страдания, как уже говорил выше. Так почему же не поискать приключений, которые тебе так любезно предлагают. Может, сегодня всё-таки исполнится моя заветная мечта? Может, сегодня я всё-таки умру или хотя бы повеселюсь на славу? Хотя, что такое веселье для этой странной девочки? Да и я, похоже, уже давно разучился смеяться.

Пока я пересаживался на коляску, которая стояла у моей постели, Ника исчезла, будто никогда прежде не стояла здесь, буквально растворившись в воздухе. Я вздохнул, сам не знаю с облегчением или же, наоборот, с грустью, и уже хотел отправиться обратно, как вдруг заметил знакомый красный шарф через стекло. Я подъехал к окну и увидел Нику, которая махала мне рукой. Всё происходящее было до боли странно и запутанно. И где-то в глубине души я чувствовал,

я понимал, что пожалею о своём решении. Но всё равно я шёл, шёл навстречу безумию, которого мне так не хватало.

Мои родители спали на втором этаже, поэтому особых проблем с выходом из дома возникнуть не могло. Я переоделся так быстро, как только мог, и накинул лёгкую ветровку. Подойдя к выходу, я засунул ключ в замочную скважину и, чуть дыша, повернул его, боясь кого-нибудь разбудить. Так же трепетно я открыл дверь, которая, к моему счастью, не издала никаких особо громких звуков. И, наконец, я всё-таки оказался на улице, глубоко вдохнув свежий и леденящий ночной воздух. Я подошёл к Нике, которая, в свою очередь, оживлённо разговаривала сама с собой. Точно, как я мог забыть, она общалась со своим питомцем – живым шарфом. К сожалению, мне удалось услышать лишь последние несколько фраз, выхваченные, как мне казалось, из довольно долгого диалога.

– Ты думаешь, у него получится? – спросила она, посмотрев на своего друга.

Шарф покачался в разные стороны, а после плавно опустился вниз, будто сделав глубокий вздох сожаления, что меня немного смутило. Хотя, может я просто не понял его языка. Я не очень хорош в «шарфийском». Я решил не заострять на этом внимание и не спрашивать, что именно у меня должно получиться, а может даже не у меня. Всё равно эти расспросы не имели никакого смысла, потому что внятного объяснения получить было невозможно.

Увидев меня, Ника легко улыбнулась, после чего вновь шепнула что-то ткани на «ушко».

Первые минуты за пределами дома дались мне тяжело. Всё время я оборачивался, пристально смотря на входную дверь. Сердце билось в волнении, я переживал, что меня за-секли. Но вскоре это чувство начало отпускать, плавно переходя на второй, а затем и на третий план. Пустота и зага-дочность улиц манила и притягивала к себе, заставляя пре-одолевать всё новые и новые метры. Сон отступил, и теперь меня влекло любопытство. Куда пойдёт эта странная бело-курая девушка?

– И куда мы? – поинтересовался я, решив развеять обста-новку и окончательно прогнать мысли о неудавшемся побе-ге. Разговор всегда помогает отвлечься, забыть многое на ка-кое-то время.

– Потом узнаешь, – рассмеялась она.

Я надеялся на подробный рассказ о нашем путешествии, но в ответ получил лишь смешок, что естественно мне не понравилось.

– Чёрт возьми, почему ты опять смеёшься?! – воскликнул я, стиснув зубы. Меня всегда раздражали жизнерадостные люди. Излишний позитив я считаю недостатком ума.

– Что ты имеешь против смеха? – она продолжала хихи-кать, как ни в чём не бывало.

– Смех – это одна из ненужных эмоций, которая мешает сосредоточиться на том, что жизнь ужасна, – буркнул я, не

задумываясь над логикой составленного мной предложения.

— Но зачем на этом сосредоточиваться? — она качнула плечами и ускорила шаг, обогнав меня.

Её ответ был совсем не таким, как можно было ожидать. Я попытался вывести Нику на спор, но у меня не вышло. Эта фраза, произнесённая абсолютно спокойным и размеренным голосом, отсылала меня в свои мысли, вести дискуссии с самим собой. Наконец, вернувшись из подсознания, я стал узнавать строения вокруг меня. По мою левую руку была расположена школа, в которой я учился на протяжении последних двух лет. Свет был выключен в каждом из сотни кабинетов. Это здание останется заброшенным до утра, пока дети и учителя, которые так любят издеваться надо мной, вновь не заполнят школу. Теперь же только в будке ленивого охранника можно было разглядеть слабые блики, исходящие от старого маленького телевизора.

Ника отстранённо шла впереди, а её красный шарф развевался через всю дорогу. Она залезла на бордюр, расставила руки в стороны и пошла, балансируя на нём и громко смеясь. Я смотрел на неё как на повернутую пациентку психиатрической лечебницы, которой удалось выбраться на свободу. Я следовал за ней и не понимал, зачем делаю это. Она будто загипнотизировала меня, прочитав заклинание. Такое странное сочетание, как белое платье и длинный алый шарф, с которым она постоянно перекидывалась парочкой фраз, придавали её образу ещё больше сумасшествия. В тысячный раз

услышав неразборчивый шёпот, я уже не смог молчать.

– Что ты сейчас сказала ему? – спросил я, не сдержавшись. Я довольно терпеливый по своей натуре, но здесь мои силы начали иссякать. Да у любого закончатся все нервы после пяти минут, проведённых с этой девчонкой.

– Я спросила, не холодно ли ему, – взглянув на меня, ответила Ника.

«Ха-ха, очень смешно», – подумал я, закатив глаза. Я сделал глубокий вдох, а потом выдох, вцепился руками в свою коляску и пытался хоть немного успокоиться. Это было моим беспроегранным алгоритмом в таких ситуациях, но, видимо, в этот раз в системе произошёл какой-то сбой.

– Как шарфу может быть холодно? Как вообще можно разговаривать с шарфом?! – воскликнул я, пытаюсь остановить отдаляющуюся от меня девушку.

– Это не просто шарф. Он мой друг, – гордо заявила Ника.

– Ты издеваешься. Признайся уже, издеваешься, – говорил я сквозь зубы, смотря на Нику исподлобья. – Это больше не смешно, – сказал я, изо всех сил стараясь подавить в себе ненужную агрессию. Ведь если подумать, Ника была совершенно невиновна.

– Ты держишь меня за дурака, не так ли?! – продолжал кричать я. – Даже мои сны считают меня безмозглым!

Моя речь вновь была прервана знакомым рингтоном будильника. Я нажал на кнопку «отбой» на экране телефона, чтобы этот нещадный звон в моих ушах прекратился. Я

нехотя сел и провёл ещё несколько минут, тупо уставившись в случайно выбранную моим мозгом точку на одной из серо-голубых стен комнаты.

Глава 4 «Кто такая Совесть?»

Из моей головы никак не хотела уходить Ника, которую я так старательно оттуда прогонял. Точнее даже не она, а то, что я сказал ей вместо прощания этой ночью. Похоже, после той ссоры меня стала грызть совесть. Если честно, я никогда не понимал значение этого слова в полной мере. Совесть, совесть... Звучит странно, не так ли? Также я не понимал и до сих пор не понимаю, зачем она нужна. Это лишь безделушка в нашем сознании. Она бессмысленна, как и множество других человеческих эмоций, которые мешают думать рационально. Чувство, которое заставляет истязать самого себя. По мне, какая-то глупая придумка. Я знал, что это такое, но как-то абстрактно. Я никогда не испытывал это на собственной шкуре. Разве что только, когда съел всё рождественское угощение в семь лет, но мне не кажется, что моё теперешнее состояние можно сравнить с тем инцидентом. Скорей всего, я просто боялся, что меня поругают. Но ведь сейчас мне нечего бояться...

Ладно, я не об этом. Надо решить, что делать с Никой. Я слышал, что избавиться от этой штуки под названием «совесть» не так-то просто. Для начала надо хотя бы попросить прощения. Но за что мне извиняться? За то, что накричал на неё? Да, ну и что такого? Все люди кричат. У всех рано или поздно сдают нервы, и это абсолютно нормально. В кон-

це концов, это просто мой сон. Просто очень реалистичный сон. Я в нём хозяин. Я решаю, когда он должен начаться, а когда закончиться. Зачем мне оправдываться перед незваной гостьей. Так я спорил сам с собой, забывая о времени. Гордость и терзания совести боролись друг с другом, заставляя меня метаться и поминутно переходить из одного лагеря в другой. То я был полон уверенности в том, что я прав, и мне не за что винить себя. Но, тут же в меня вселялось сомнение, которое переворачивало моё решение с ног на голову. И вот, спустя минуту я уже полон решимости просить прощение у этой девчонки. Доходило даже до того, что я начинал придумывать текст оправдательной речи. Со мной явно было что-то не так.

День, проведённый в колебаниях, подошёл к своему завершению, и наконец, наступила такая долгожданная и волнительная ночь. Я задержал дыхание, будто готовя себя к неизбежному испытанию, и выключил настольную лампу. Комната в ту же секунду погрузилась в кромешную темноту. Я добрался до своей кровати практически на ощупь, что было не очень-то безопасно, после чего «нырнул» под одеяло. Я лёг на спину, закрыл глаза, устроился поудобнее и попытался расслабиться. Так прошло пять минут, десять, пятнадцать. Я всё ещё не спал... Я перевернулся на один бок, потом на другой. Я ворочался, считал чёртовых овец. Чего я только не делал, чтобы наконец-то отключиться. Я буквально насильно затыкал свои несмолкающие мысли. Я никогда

особо не переживал из-за проблем со сном. Мне было как-то всё равно. Можно сказать, порой мне даже нравилось это. Я получаю плюс семь часов на раздумья. Я получал время, которое другие люди упускали, живя по составленным кем-то законам. После того, как я бодрствую всю тёмную часть суток, не могу сказать, что когда светло, меня особо тянет в царство Морфея. Я научился справляться с желанием уснуть прямо на уроке или делая домашнее задание, или по дороге до дома, или за едой. Но иногда я действительно испытываю сильнейшее желание отключиться за завтраком, лицом в тарелке. Но только иногда.

Так все семь часов, отведённые мне якобы на сон, прошли в жалких попытках хотя бы просто вздремнуть.

К моему сожалению, ни одна из них не увенчалась успехом. За столь долгий промежуток времени я так и не сумел избрать свой дальнейший план действий. Оставалось только одно. Я решил, что когда я увижу её перед собой, когда взгляну в её безумные глаза, когда вновь услышу её голос, тогда и определюсь со своей стратегией. Я посчитал это оптимальным вариантом для себя. Раз в жизни я хотел довериться своему сердцу и сделать так, как оно скажет. Но вот незадача! Увидеться с Никой оказалось сложнее, чем я ожидал. Что делать теперь? Моя бессонница может длиться день, а может и целую неделю. Пока я, наконец, засну, я уже успею разобрать себя на кусочки.

И вновь день, полный самоистязаний, подходил к концу.

Я не мог есть, не мог пить, не мог учиться. Я думал только о том, чтобы встретиться с Никой. На душе скребли кошки, а сердце неприятно сжималось. Мне нужно было поспать. Не знаю как, но я должен был это сделать. Терпеть становилось невозможно. Я был готов отдать всё что угодно, лишь бы это прекратилось. Итак, попытка номер два. Я вновь выключаю свет, ложусь на кровать, укрываюсь. Левый бок, правый бок. Скидываю с себя одеяло, но затем поднимаю его вновь. Кручусь, жмурюсь. И вот опять рассвет стучится в окна моей комнаты. Я перевёл взгляд на часы. У меня осталось пятнадцать минут, поэтому больше можно было не пытаться. Я подошёл к окну и раздвинул шторы.

Неужели я сказал «подошёл»? Не сомневаюсь, что допустил эту погрешность уже сотню раз. Извиняюсь, конечно же, я всего лишь подъехал на своей инвалидной коляске. Никакого волшебства не произошло. Я всё такой же убогий, каким был вначале своего повествования. Знаете, порой бывает так сложно устоять перед соблазном написать это волшебное слово «шёл». Мне так хочется, чтобы мой дневник, который никто и никогда не откроет, звучал красиво. Я перечитал достаточное количество книг, но ни в одной автор не писал «поехал». Герой может поехать на машине, на поезде, но ездить для того, чтобы просто добраться в другой конец помещения... Для меня этот набор букв буквально обладает магией. Ходить для меня так же невозможно, как для других летать. Поэтому прошу простить меня, если я вновь не смогу

удержаться.

Комнату залил яркий свет. Я решил начать собираться в школу. Всё было лучше, чем просто мучить себя. Мне казалось, я полон сил, несмотря на то, что бодрствовал уже двое суток. Одевшись, я бесшумно позавтракал на кухне, так, чтобы никого не разбудить. Я вышел, чёрт возьми, выехал на улицу. Солнце всходило над горизонтом, ослепляя город своими лучами. Как ни странно, сегодня было действительно тепло. Осеннее утро было поистине весенним.

В школу я подъехал раньше многих, поэтому просто ждал у дверей прихода остальных. Я тихо сидел за последней партой в душном кабинете истории. Урок вела до ужаса противная женщина, которая всё говорила, говорила и говорила. Если она шутила, нам надо было дружно смеяться. И неважно, смешно нам было или нет. Если мы не оценили её «блестящий» юмор, она начинала злиться, впиваясь взглядом в толпу учеников и выбирая себе жертву. Тогда она превращалась в самую настоящую ведьму. Если она спрашивала, то придиралась к любым мелочам. Эта учительница могла завалить любого, даже если зубрилка знал параграф наизусть. Мне кажется, для этого надо иметь определенный талант. Не всем такое дано. Она ставит двойки, задаёт эссе по теме, которой нет в учебнике. И вот она снова рассказала свой уморительный анекдот. Надо было выдавить из себя ухмылку, когда мне вовсе не хотелось улыбаться. Прошло уже полурока. Кстати, ещё надо было постоянно смотреть прямо на

неё и кивать, делая вид, что тебе очень интересно. Мои глаза начали слезиться от постоянного зрительного контакта, я зажмурился и опустил голову вниз на пару секунд. Не думаю, что это должен был кто-то заметить.

Я поднял голову и медленно открыл глаза. В классе было пусто. Ни учеников, ни учителя. Никого. Я сидел один в абсолютной тишине. В испуге я стал оборачиваться по сторонам, оглядываться. Может они просто решили поиздеваться надо мной? Может просто спрятались где-то? И тут я замер. У доски стояла Ника и с умилением смотрела на меня.

Глава 5 «Урок»

Я потряс головой, чтобы прийти в себя, широко открыл глаза и уставился на Нику. Откуда она взялась? Как она могла появиться в моей школе? Что вообще происходит? Этот вопрос я задавал себе на протяжении последних нескольких дней. Ника же просто стояла на месте, как мраморная статуя, не сдвинувшись ни на миллиметр. Так мы провели около минуты, молча играя в «гляделки». Осознав, что она действительно находится там, и что мне не мерещится, я отклонился на спинку своего кресла и сделал глубокий вдох.

Девочка залилась звонким смехом и пошла ко мне через весь класс. Она двигалась изящно и легко, протискиваясь сквозь узкие проходы между партами, неслышно ступая по полу. И иногда мне даже казалось, что она летит, а не идёт. Её шарф был тут же, повязанный на её тоненькой шейке. Она выглядела будто привидение, надвигавшееся на меня, что вызывало невольный страх. Только представьте: пустой кабинет, исчезнувшие люди и странная девочка, которой не было здесь секунду назад. Я машинально хотел отъехать в дальнюю часть класса, но моя коляска оказалась зажата между двумя столами. Пока я пытался раздвинуть парты, Ника уже стояла рядом со мной и легко улыбалась. На вид в ней не было ничего враждебного или злого. Она была милой и приветливой, но я не мог не связать пропажу людей и её вне-

запное появление. Я вжался в коляску, стараясь находиться как можно дальше от неё. Она сделала ещё шаг и оказалась почти вплотную ко мне.

– Привет! – радостно воскликнула она. От неожиданности я вздрогнул и чуть ли не подпрыгнул на месте.

– Привет... – тихо ответил я, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. Почему я так боялся?

– Как твои дела? – спросила Ника, посмотрев на меня.

– Мои дела? Мои дела... – нервно повторял я. – Н... нормально... Да, всё хорошо, – наконец сообразил я, заставив себя взбодриться.

Затем вновь наступило неловкое молчание, которое нарушал лишь громогласный стук моего сердца.

– А у тебя как? – еле выдавил я, сглотнув комок в горле.

– Всё хорошо, – ответила девочка и кивнула головой.

И опять тишина, которая заставляла меня нервничать ещё больше.

– Ну что? Идём? – спросила Ника, непонимающе взглянув на меня. Моё состояние явно смущало её.

– Куда? – чуть ли не заикаясь, сказал я.

– Ты что забыл? – огорчённо произнесла девочка.

Чёрт. Точно. Я должен опять идти за ней, даже толком не зная куда. Но я не могу сделать этого, я не могу даже просто находиться рядом, пока не попрошу прощения. А может, действительно по её вине исчезли все эти люди? Вернутся ли они? Может, они вообще мертвы?! А может, мне уже не

надо извиняться? Она не выглядит обиженной... Решу потом. Лучше не делать поспешных выводов в отношении этой психопатки.

– Пошли, – ответил я, отталкивая от себя парту.

Мы вышли в пустой коридор, в котором не было ни единой души. Не было вообще никого, что казалось невозможным для школы. Теперь здесь не стоял даже охранник, по обыкновению дежуривший около входа. Когда мы перешли порог такого мерзкого и противного здания, мне показалось, что с моей души упал огромный груз. Когда выходишь из школы, реально обретаешь свободу. Из каждого угла каждой комнаты здесь веяло ненавистью и издёвками. Не знаю, как я заставлял себя приходить сюда пять дней в неделю.

На улице было темно как ночью, но я отчётливо помнил, что ровно полчаса назад был день. Да я просто не мог находиться вне дома ночью! Иначе мои родители уже бы сошли с ума, а все полицейские города искали моё бездыханное тело в одной из канав. Что за бред происходит, когда я оказываюсь рядом с Никой и её живым шарфом? Неужели эта девочка может заставить Землю развернуться и вращаться в обратную сторону? Неужели она может поворачивать вспять целые планеты?

Мы отправились дальше, ни о чём не разговаривая и просто рассматривая серый асфальт под нашими ногами. И каждую минуту я думал, что в следующую произнесу то «прости», которое давно собирался сказать. Но что-то постоян-

но останавливало меня и сбивало с верного пути. Иногда я оборачивался к Нике, украдкой смотря на неё. Я разглядывал её тончайшее лицо, хрупкие черты, бледные потрескавшиеся губы и аккуратный маленький носик, но её огромные глаза так и не взглянули на меня в течение всего нашего путешествия.

– Давай остановимся? – предложил я, увидев невдалеке скамейку.

– Зачем? – спросила Ника.

– Ты не хочешь передохнуть? Мы идём уже достаточно долго, – сказал я.

– Нет, не хочу. Я думала, ты тоже не устнёшь, потому что всё время сидишь. Но если хочешь, мы можем остановиться.

Я подъехал к лавочке и припарковался рядом с ней. Ника тоже подошла и плавно опустилась на скамейку. Её шарф разлёгся на всей оставшейся площади, и она бережно разглаживала каждую складочку на нём, чтобы тот не помялся. Моя коляска была значительно ниже, поэтому я чувствовал себя неуютно. Я пытался приподняться и пересест за счёт рук, но у меня не получалось, хотя я был достаточно натренирован в этом. Я лишь немного привставал, но затем вновь плюхался обратно в кресло.

– Тебе помочь? – тихо спросила Ника, заметив мои мучения.

– Нет, я справлюсь, – грубовато ответил я, не желая принимать от неё помощь.

Ещё несколько минут прошло в безуспешных попытках пересесть. В отчаянии я использовал все возможные и невозможные способы, но ничего не выходило.

– Да, помоги мне, – наконец сказал я, выбившись из сил и лишенный другого варианта.

Ника улыбнулась, встала и подошла ко мне.

– Что надо делать? – с интересом спросила она.

– Переложи мои ноги на скамейку, – довольно сухо ответил я.

Ника взяла мои практически мёртвые, онемевшие ноги и поставила их на лавку, сделав всё, как я сказал.

– Что-то ещё? – спросила она, готовая прийти на помощь.

– Нет, дальше я сам, – ответил я.

Теперь мне оставалось только перекинуть свой корпус на скамейку. Я схватился за спинку и начал подтягиваться вверх, будучи полностью уверен в своей победе. Но, похоже, моих сил не хватило, и я осознал, что начинаю терять равновесие. Вдруг я почувствовал, как что-то, словно змея, обвилось моё тело и начало тянуть вверх. Перед собой я увидел Нику, крепко держащую меня за руки. Наши глаза встретились, от чего мне стало до жути неловко, и я отвёл взгляд. Её шарф сделал петлю вокруг моего живота, приподнял и бережно опустил меня. Я не помню, как именно это произошло, но я, наконец, сидел на этой чёртовой лавке, облокотившись на неё и тяжело дыша.

– Спасибо, – еле выговорил я, посмотрев на девушку, си-

девшую рядом.

Мне было очень стыдно. Я был таким слабым и неуклюжим. Я так глупо выглядел. Я был настолько беспомощным, что Нике и её шарфу пришлось вытаскивать меня из беды. Я не знал, как оправдать перед ней свою оплошность. Мне просто хотелось провалиться под землю, исчезнуть, как мои одноклассники, лишь бы больше не находиться здесь. Я отвернул голову от девочки и старался не смотреть в её сторону. Похоже, Ника хотела что-то сказать, но промолчала, увидев, что я пытаюсь отстраниться. Я долго смотрел в пустоту, представляя комичность сложившейся ситуации. Я подумал о том, что было бы, если бы здесь стояли мои знакомые. Да они бы просто подняли меня на смех. Так плохо мне не было давно. Я слышал, что она говорила что-то своему шарфу, но не вникал в слова.

Спустя минут десять я всё-таки собрался с силами и развернулся к ней.

– Прости, – выдавил я.

– За что? – с удивлением спросила она, явно не ожидая такого исхода.

– Не притворяйся. Ты знаешь, за что, – ответил я, – за то, как обращался с тобой в прошлый раз, за то, что накричал, за то, что говорил. Прости. Я не хотел, – твердил я, через боль произнося каждое слово. Я редко прошу прощения, поэтому это даётся мне особенно тяжело.

– Ничего, я не обижаюсь, – произнесла она, посмотрев

мне в лицо.

– Нет, это неправда. Прости меня. Прости за то, что было сегодня. За мою убогость, мою беспомощность. Прости, что тебе приходится нянчиться со мной.

– Всё нормально. За это вообще не извиняйся. Ты не такой, как говоришь. Мы с *Эдвардом* лишь хотели помочь.

– Спасибо... Спасибо тебе, твоему шарфу. Просто спасибо, – повторил я ещё раз.

– Не за что, – Ника улыбнулась.

Потом мы опять замолкли. У нас не было общих тем для разговора. Мы ни в коем разе не были друзьями. Мы были незнакомцами, а в каком-то роде даже врагами. Поэтому мы просто рассматривали ночное небо, делая вид, что нам очень интересно. Хотя кто знает, может ей оно действительно нравилось. Оторвав взор от звёзд, я заметил, что на Нике вовсе не было обуви. Всё это время она проходила босиком и, похоже, это не вызывало у неё кого-либо дискомфорта.

– Почему на тебе нет туфель? – поинтересовался я.

– Никогда не любила их. Они тесные, – ответила она, пожав плечами.

– Но тебе разве не больно?

– Больно? Что такое больно?

В любой другой день после этих слов, я бы взорвался от гнева. Всё это звучало и выглядело как один огромный, хорошо спланированный розыгрыш. Ника будто специально задавала глупые детские вопросы, чтобы вывести меня из се-

бя. В любой другой день я бы потерял контроль, но в этот раз сдержался. Я совершил уже слишком много ошибок и попросил прощения уже слишком много раз.

– Ты всё ещё хочешь знать, что это такое? – спросил я спустя какое-то время.

– Да, мне интересно.

Она будто испытывает меня, смотрит, насколько меня хватит. Но если это действительно испытание, я не должен его завалить.

– Это такое ощущение, будто в тебя впиваются ножи, разрезающие твою плоть на части, будто в тебя выпустили сотни стрел одновременно, будто тебя опалило пламенем костра... – я мог бы продолжать называть характеристики этого слова бесконечно. Ведь я, как никто другой знал, что оно поистине означает.

– Странно, не припомню такого, – равнодушно сказала она, вновь отвернувшись.

– Неужели ты никогда не чувствовала боли? – в недоумении спросил я.

– Нет, – ответила она, посмотрев на меня с невинным видом.

Я заткнулся, обдумывая всё то, что она сказала. Может ли человек не чувствовать боль? Нет. Боль – это сам человек, без неё он не может существовать. Ника не может быть призраком, потому что их не бывает. Мои подозрения с каждой минутой всё больше подтверждались. Она безумна и об этом

говорило буквально всё: начиная от прикида, заканчивая её речами и действиями. Или же всё может быть намного проще. Она просто плод моего воображения.

– Но как это возможно? Ты не можешь не чувствовать боль. Это чувствуют все. Даже если бы человек шёл босиком по улицам, то он бы стёр ноги в кровь. А твои полностью чисты. Я не вижу никаких кровавых следов и отметин. Кто ты? Может, ты не человек? Инопланетянка? Монстр? Вампир? Кто? Ответь мне, – говорил я, смотря на девушку. Ника глядела мне в глаза и качала головой, будто прося меня прекратить. Её взор буквально молил меня замолчать, но я уже не мог.

– Реальна ли ты вообще? – продолжал я, уже не в силах остановиться. – Потому что мне кажется, что всё это просто мой сон. Ты первый человек, который хочет быть рядом, у которого не вызывает рвотный рефлекс моё присутствие. Хотя может и вызывает, но ты просто умело подавляешь его. Может, у тебя есть какая-то миссия в отношении меня? Я не знаю.

– Нет, нет... – шептала она. – У меня нет миссии. Не говори ничего, пожалуйста. Ничего.

– Скажи, что это правда. Прошу. Мне нужна правда. Я не в силах поверить в обратное. Я знаю, что ты нереальна.

Я поднимаю голову и вижу повисшую над собой учительницу истории, которая с грозным и осуждающим выражением лица смотрит на меня. Со всех сторон до моих ушей ста-

ли доноситься едкие смешки и замечания. Оглядевшись по сторонам, я увидел полный класс смеющихся и тыкающих в меня пальцами детей.

Глава 6 «Врунишка»

Я просто моргнул и задремал. Не знаю, как это вышло. Зато знаю то, что случилось потом. Разъярённая училка орала на меня весь оставшийся урок, после чего отвела к директору. Им плевать, что ребята на год старше меня подрались в коридоре, после чего один из них чуть не упал в обморок. Им всё равно, что некоторые девочки ходят в школу практически голыми. Их не интересует, что мой одноклассник-торчок опять нанюхался вчера. Они обращают внимание лишь на инвалида, от усталости и скуки заснувшего на уроке. Но я заснул не по своей вине. Я не хотел этого делать. Хотел, но неосознанно. Разве можно ругать за то, что я не мог контролировать?

Они позвонили моим родителям. Они достали даже моего отца, находившегося на работе, чтобы рассказать, какой их ребёнок плохой. Не знаю, на что они рассчитывали в этот момент, потому что мне было всё равно. Никто не сможет ничего сделать. Никто не сможет наказать меня сильнее, чем это сделала судьба. Может, это и кажется избитой фразой, но что поделать, если это правда.

Единственное, чего я все ещё боялся – это быть осмеянным. А сегодня это происходило многократно: на уроках, в коридоре и даже по дороге домой. Мне было не страшно возвращаться туда. Вину я могу чувствовать лишь перед роди-

телями, но в этот раз не было и её. Я знал, что прав. Меня было не за что отчитывать.

Я въехал в гостиную, где сидела моя мама. Она молчала и смотрела на меня взглядом, от которого моё сердце разрывалось на части. Я почти никогда не плакал, но каждый раз, видя её расстроенную, и особенно по моей вине, я становлюсь соплей, готовый разрыдаться в любую секунду. Но я вновь сдержался, высоко поднял голову и втянул воздух носом. Я проехал мимо, не глядя ей в глаза. Я закрыл дверь в свою комнату на замок и застыл на месте. Я ещё долго сидел так, не двигаясь и практически не моргая. Прямо передо мной стояло большое зеркало, через которое я мог наблюдать за собой. Обычно я пытаюсь обойти его стороной. Ненавижу своё убогое отражение, которое заставляет меня страдать. Глядясь в него, я вижу лишь урод, у которого нет шансов прожить достойную жизнь. Да и зачем нужно зеркало в мальчишеской комнате? Не знаю, почему-то моя мать запрещает выкинуть его. Почему я только до сих пор не разбил его в очередном порыве злости? Придя в себя, я вытащил из своего шкафа покрывало и повесил им зеркало. Теперь перед собой я видел только тёмно-синюю пелену, которая перекрывала столь ненавистное мне изображение. Так лучше. Теперь мне не придётся видеть себя каждую минуту и думать о своём убожестве так часто.

Я не хотел ничего делать. Мои руки опускались сами собой. Я всё сильнее чувствовал бессмысленность своего су-

ществования. Я живу лишь для того, чтобы делать уроки, делаю уроки лишь для того, чтобы после найти работу. Найти работу, чтобы не стать бомжом. Всё это слишком бессмысленно. Страдать сейчас, чтобы не страдать потом. Глупое устройство. Особенно если учесть, что того прекрасного «потом» никогда не наступит.

Когда вернулся отец, со мной провели разговор, в котором сказали, что спать на уроке очень плохо. Будто до этого я не знал этих скрытых от всех тайн человечества. Я провёл день в беседе с самим собой, даже не притронувшись к домашнему заданию. Я просто лежал, уставившись в однотонный потолок, будто пытаюсь увидеть в нём что-то. Я понимал, что сегодня я больше не усну. Будет бесполезно пытаться, поэтому я даже не выключил свет в своей спальне.

Как я и предполагал, ночь выдалась бессонной и полной раздумий о вселенской несправедливости. Мне казалось, что я не спал, пока каким-то волшебным образом не оказался сидящим на чём-то твёрдом и, похоже, деревянном, судя по занозе, которую я успел всадить в свой палец. Я пристально всматривался в темноту, обступившую меня со всех сторон. Внезапно все фонари в округе зажглись, осветив стоящие рядом деревья. Лампы были настолько яркими, что мне пришлось зажмуриться. Когда мои глаза наконец-то привыкли, я повернул голову, желая лучше рассмотреть окружающую меня местность, и вздрогнул от неожиданности. Думаю, вы уже догадались, кто там был. Ника сидела рядом и радостно

улыбалась, глядя в моё лицо, скорчившееся в гримасе ужаса и страха.

– Когда ты, чёрт возьми, перестанешь пугать меня?! – воскликнул я в бешенстве.

– Я не хотела... – пролепетала она.

Я ничего не ответил, продолжив озираться по сторонам.

– Я не вру. Я, правда, не хотела так делать.

– Знаешь, мне уже плевать. Что ложь, что правда. Я больше не хочу разбираться в этом, хорошо? Какая разница? – произнёс я, вновь взглянув на девочку.

– Почему ты говоришь так? Знать врёт тебе человек или нет – очень важно, – сказала Ника.

– Я согласен. А ты лжёшь? Лжёшь мне, когда рассказываешь весь этот бред про шарф, про себя? – вдруг спросил я.

Ника опустила голову и взяла паузу, что не могло не напрячь. Хотя кого я обманываю? Это было всего лишь глупой игрой. Я всё прекрасно понимал. Понимал, что Ника врёт.

– Что-то здесь становится холодно, не замечаешь? Я уже замёрзла, пока сидела на месте. Надо размяться, – быстро и неразборчиво проговорила она.

Ника встала со скамейки и отошла от меня на пару шагов. Я тяжело вздохнул и стал пересаживаться в коляску. В этот раз повезло – мне не пришлось просить о помощи. Я подъехал к Нике и ничего не сказал. Вообще ничего. Мне действительно было всё равно. Это был вопрос ради вопроса, а не ответа. Хотя бы кто-то в нашей компании, состоящей из

двух человек, наконец-то сказал правду.

Мы плутали в каких-то тёмных, грязных и неудобных подворотнях. Я до сих пор в своём городе или уже на другом конце света? Станный вопрос, не находите? Но ещё более странно то, что я продолжал следовать за девчонкой, которая практически только что созналась в своей лжи. Я смотрел куда-то вперёд, ничего не замечая. Если бы я умел ходить, то, без сомнения, спотыкался бы каждый раз, как только мой разум улетучивался в иную реальность. А если учесть тот факт, что я там постоянно, можно сделать вывод, что ссадины на моих коленях не успевали бы заживать. Мы продолжали молчать, но странно то, что тишина вовсе не напрягла меня. А Нику? Возможно. Мысли о том, что сейчас она чувствует себя неловко, несомненно, радовали меня и даже приносили удовольствие. Девочка постоянно теребила пальцами бахрому своего шарфа. А более длинным концом *Эдвард* будто специально бил меня по лицу, притворяясь, что его подхватывает порыв ветра.

Даже вещи издеваются надо мной. В любой другой раз, не совладав с собой, я бы порвал этот клубок шерсти, но сейчас я был слишком доволен тем, что смог раскусить эту «ангельски-невинную» вранью. Теперь оставалось лишь узнать её истинные намерения по поводу меня и покончить со всем этим.

Апатия, овладевшая мной, не собиралась отступать, пока до меня не донёсся звонкий голос Ники.

– Смотри! Это магазин мороженого! – непонятно зачем воскликнула она, начав прыгать и хлопать в ладоши, как маленький ребёнок.

– И что? – безразлично ответил я.

– Как что! Это же вкусно! – в детском восторге произнесла Ника.

– Ага... – я закатил глаза так сильно, как только мог, и поехал дальше.

– Пойдём, зайдём туда, – вдруг произнесла Ника.

– У меня нет денег. Да и вообще он закрыт. Если ты не знала, нормальные люди сейчас спят.

– Ну, пожалуйста, – жалобно протянула она.

– Господи, ты не в себе. Ты обещала мне показать какое-то место, поэтому я сейчас здесь, а не в своей тёплой постели. Договора о мороженом не было, – твёрдо сказал я, вновь продолжив путь, будучи уверен, что Ника плетётся позади. Спустя минуту, я всё-таки решил обернуться, чтобы удостовериться в этом. Каково же было моё удивление, когда я увидел Нику, приближавшуюся к двери магазина!

– Чёрт, – прошептал я и развернул свою коляску обратно.

Я крутил колеса так быстро, как только мог, чтобы догнать её и остановить.

– Стой! – крикнул я, чтобы задержать её. Ника на минуту замерла, безмятежно поджидая меня. Наконец я добрался до одиноко стоящего здания, привлёкшего внимание девочки.

– Что ты собираешься делать? – спросил я, стараясь от-

дышаться.

– Зайти внутрь и взять мороженое, – ответила она, не изменившись в голосе.

– Как? Ты просто можешь сказать мне, как?! – кричал я, – как ты проникнешь внутрь? Ты собираешься разбить стекло?! Или что?! Там камеры. Нас посадят, ты понимаешь, чёрт возьми! Люди не такие тупые, как ты думаешь! – в бешенстве говорил я.

Ника улыбалась и наивно смотрела мне в глаза, что раздражало ещё больше. Потом она стала опускаться вниз, пока не оказалась сидящей на корточках перед дверью. Я с удивлением наблюдал за её странными действиями. Что она собирается делать? Ника приподняла коврик, постеленный у входа, и взяла что-то блестящее с пола. Она поднялась и показала мне ключ, лежавший у неё на ладони. Ника начала громко смеяться, глядя на меня, пытающегося понять, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.